

К истории свободы слова в России. 100 лет Манифесту 17 октября 1905 г.

Олег Бакулин, Ольга Минаева

Публикация подготовлена к 100-летию Манифеста от 17 октября 1905 г. Приводится текст документа. Он снабжен отчетом о встрече графа Витте с журналистами петербургских газет. Даются также комментарии к этим и другим документам, относящимся к особенностям функционирования прессы в этот период.

Ключевые слова: 100-летие Манифеста 17 октября 1905 г., свобода слова и отечественная журналистика, граф С.Ю.Витте.

Ольга Минаева – доцент кафедры истории отечественных СМИ факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Олег Бакулин – научный сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

В соответствии с Высочайшим Манифестом, опубликованным во всех центральных газетах Российской Империи ровно сто лет назад, 17 октября 1905 г., в стране провозглашалась свобода совести, слова, собраний и союзов. Однако уже несколько лет спустя, после Октябрьской революции 1917 г., его значение стало преуменьшаться или попросту игнорироваться. Исследователи нередко называли Манифест «полумерой» и «вынужденной уступкой» самодержавия, только лишь на словах деклариовавшего демократические свободы.

Лишь в конце 1980 гг. о Манифесте вновь «вспомнили». И хотя в это время – как среди широкой общественности – так и в академических кругах история царской России нередко идеализировалась, оценки «Манифеста 17 октября», появившиеся в перестроечные времена, справедливы и в наши дни. Оценивая в исторической перспективе появление этого документа, следует признать, что Манифест 17 октября 1905 г. стал первым в истории России законодательным актом, провозглашавшим основные демократические свободы и способствовавшим развитию российской журналистики и демократических институтов власти в последующие, предреволюционные годы. Читателю предлагается выдержки из этого документа, а так же стенограмма встречи представителей СМИ с его автором С.Ю. Витте, которая состоялась на следующий день после обнародования Манифеста.

ПОВЕСТКА ДНЯ

За принятием Манифеста последовали два закона (указа), регламентирующие деятельность прессы в новой ситуации «гражданской свободы, одним из условий коей является свобода слова».

В период с 19 октября по 24 ноября (когда вышел указ «О временных правилах о повременных изданиях») периодические издания выходили без цензурного разрешения. Этот период назван явочным периодом свободы¹.

В первом указе «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. отменялась предварительная (как светская, так и духовная) цензура для изданий, выходящих в городах. Указ предписывал применять меры административного воздействия, решая спорные вопросы в суде. Отменялись также правила о залогах. Министр внутренних дел потерял право запрещать обсуждение в печати какого-либо вопроса государственной важности, как это было предусмотрено Уставом о цензуре и печати 1890 г. Но он мог запрещать публикацию сведений о передвижении войск и о средствах обороны. Сокращались сроки получения разрешения на издание газеты или журнала до двух недель (а на издания на иностранном языке – до двух месяцев). Цензурные органы могли арестовать номер, но с обязательным судебным расследованием. Суд, утверждая арест,

мог приостановить выход издания до судебного приговора.

Указ касался только периодической печати, не включая получаемых из-за границы произведений печати, а также типографий и книжной торговли.

К концу ноября 1905 г. цензоры активно взялись за выполнение этого указа, возбуждая уголовные преследования, в том числе и за тот период, когда периодика выходила бесцензурно. Данные, приводимые Г. В. Жирковым, таковы: за период с 17 октября по 31 декабря 1905 г. были конфискованы 16, арестованы 26 номеров периодики, закрыты и приостановлены 44 издания, подвергнуты репрессиям 278 редакторов, издателей и журналистов².

18 марта 1906 г. был издан указ «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати». В нем корректировались размеры штрафов и сроков заключения в тюрьму за различные нарушения предписанного порядка выхода периодических изданий, но цензурные вопросы в нем не затрагивались.

Указ «О временных правилах для неповременной печати» от 26 апреля 1906 г. отменял предварительную цензуру книг. Цензурные комитеты преобразовывались в комитеты по делам печати, цензоры назывались инспекторами по делам печати.

* * *

¹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. М. 2001. С.189.

² Там же. С.191.

Манифест об усовершенствовании государственного порядка¹ (17 октября 1905 г.)

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжелой скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная – его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целостности и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешного выполнения общих предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей кратности остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

ПОВЕСТКА ДНЯ

Редакторы Петербургских газет и журналов у С.Ю. Витте

18 октября (1905 г.) редакторы, издатели и некоторые из делегатов петербургских периодических изданий явились к графу Витте по его приглашению для беседы о современных событиях и свободе печати.

С. Ю. Витте² вышел к журналистам в начале 12-го часа. Сославшись на недостаток помещения, граф Витте, после обмена рукопожатиями, заявил, что он никого не приглашает садиться и будет вести разговор стоя.

После того, как все столпились вокруг него, граф Витте обратился к собравшимся с такою речью:

– Безопасность государства должна иметь опору в общественном мнении; вы знаете, что в России, благодаря особым условиям, общественное мнение не могло выражаться.

С материальной стороны общественное мнение выражалось в России лишь печатью, так как других органов для выяснения мнений большинства, меньшинства и крайних элементов, – не было. В виду этого русская пресса всегда имела исключительное значение.

– Невзирая на свое полное бесправие и беззащитность, наша печать всегда имела громадное влияние на умы. Я обращаюсь к вам, как русский человек, как гражданин, а не как царедворец или министр. Помогите мне успокоить умы. От вас, главное – от вас это успокоение зависит. Пока не водворится порядок, никто не в состоянии ничего сделать. Теперь все дезорганизовано. Я – тоже человек. И у меня теперь нет нормального равновесия между чувством и умом. Как сановник, я встречаю людей, известных всей России и всему миру. Эти люди всегда жили только умственной жизнью. У них волевая жизнь не развита. Они еще могут судить о положении дел в отношении того, что следует делать (ум), но не умеют судить, как можно делать (воля) при современных обстоятельствах... Что же я теперь буду делать? Все дело, которое я умею вести, – не мое. Мне не сладка его тяжесть. Я нуждаюсь в поддержке. Обра-

щаюсь к вам. Помогите мне. Если вы успокоите общественное мнение, если явится истинное народное представительство, все облегчится. Тяжкая обуза падет. Тогда правительство будет играть роль такую, как в культурных странах. Если вы хотите, господа, вы можете принести пользу всем, не мне, не правительству, а всей России. В таком же разброде чувств и мысли дальше жить нельзя. Я закончил. Спрашивайте меня.

М. А. Суворин³ выступает немного вперед и говорит:

– В Высочайшем манифесте не хватает политической амнистии. Она необходима.

С. Ю. Витте. – Да, одновременно с обнародованием манифеста произошли трагические события у Технологического института. По поводу них у меня был видный земский деятель из крайней левой. Имени его не буду называть. Он уже обратил мое внимание на необходимость политической амнистии. Сегодня я говорил с министром юстиции и поручил созвать сведущих лиц, дабы обсудить – в каких размерах возможна амнистия... Обращаюсь, господа, к вашему благоразумию и чувству. Этот вопрос не забыт. Я сделаю все, что могу. Вы можете говорить об этом в газетах. Если же вы поставите дело так: правительство еще не устроено, а вы будете писать, что успокоение невозможно, пока не будут удовлетворены и те требования, и другие, если каждая группа будет требовать: «Сделайте это, иначе мы не сделаем того-то», что же в результате получится? Кого мне сперва слушать? Я прошу прежде всего доверия. Я искренно говорю вам... Мы теперь в водовороте смуты. Всегда возможны кровавые столкновения. Если и теперь каждая группа будет являться со своими требованиями...

Г. Пропер⁴. – Это не группа, а все, вся Россия...

С. Ю. Витте. – Нет не вся, не вся Россия...

Г. Пропер. – Амнистия должна явиться скорее.

С. Ю. Витте. – Господа, вы требуете...

Проф. Ходский⁵. – Граф, вы заблуждаетесь. Мы не требуем и не просим. Мы говорим, что необходимо. Амнистия – прежде всего. Кроме того, генерал Трепов⁶ должен быть удален с должности генерал – губернатора С. – Петербурга. Генерал Трепов – это бомба, которая ежеминутно грозит разорваться. Таково постановление союза газет.

Представители «Нового времени» и «Нового слова» возражают, что такого постановления в союзе печати не было.

С. Ю. Витте. – Генерал Трепов сам охотно ушел бы и покинул бы пост добровольно. Но теперь при таких требованиях и в такой форме едва ли удаление его возможно. Вы говорите, что успокоение наступит, когда генерал Трепов удалится. А что скажут сотни тысяч обывателей, не причастных к политическому движению. Другое лицо мы можем поставить лишь тогда, когда правительство дойдет до момента успокоения.

Делегат «Новостей»⁷ **К. И. Арабажин**⁸. – Успокоение нужно начать с уничтожения военного положения и усиленной охраны, а также с устранения опасности применения смертной казни.

Делегат «Русского богатства»⁹ г-н **Анненский**¹⁰. – Положение очень серьезно. Мы обязаны, зная психику страны, сказать то, что нужно. До успокоения страны еще далеко. Мы совершим преступление, погубим значение печати, если согласимся с вами. Все наши требования должны быть выполнены. В первую голову должно идти реальное осуществление всех свобод, объявленных в первой половине манифеста.

С. Ю. Витте. – В этом даю честное слово.

Голоса представителей радикальной печати. – Пока манифест, как видите, восторгов не вызвал.

Г. Пропер. – Мы готовы вас поддерживать.

С. Ю. Витте. – Перед кем? Если перед Монархом, то напрасно. У него мне вашей поддержки ненужно. Монарх, кроме блага и добра, ничего не желает. Ему только нужно дать яс-

ную картину положения дел, ибо он колеблется, когда существует два мнения... Так вот вы, господа, постарайтесь, чтобы государь увидел, что от добрых мер есть результаты. Вот лучший путь! На нем вы меня и поддержите. Повторяю, я с вами совершенно согласен. Я подпишусь под тем, что вы, господа, сказали... Правительство хочет быть искренним. Оно не хочет быть в роли китайского пугала с нереальной сущностью. А теперь даже периодической печати нет. Я не могу ориентироваться во мнениях печати. Ведь и между вами – люди разных направлений и взглядов. Нужен порядок. А ныне я не могу поручиться, что не будет выстрелов на улицах.

<...> **Г. Арабажин**¹¹ – В настоящее исключительное время печать может оказать С.Ю. Витте содействие в его добрых намерениях одним способом: фактическим осуществлением свободы печатного слова, которая возвещена манифестом.

С. Ю. Витте. – Дело ваше. Я полагаю, что это решение не полезно при теперешних обстоятельствах. Ведь уже объявлена свобода печати, но полная свобода прессы будет уже дезорганизацией. Вы твердите: «то снять», «того свергнуть». Дайте время... Пока, в случае нужды, черкните мне два слова и всегда у меня вы найдете поддержку.

Г. Анненский. – Мы готовы дать время, но ведь жизнь не ждет.

Проф. Ходский. – В манифесте нет даже упоминания о свободе печати.

С. Ю. Витте. – Я отвечаю честным словом, что свобода печати уже существует. Но посудите сами, нельзя же объявить в манифесте, что все законы о печати уничтожены.

Г. Анненский. – Но судебная ответственность?

С. Ю. Витте. – Суд? Но ведь тогда печать будет без всяких границ?

Г. Анненский. – При нынешней «свободе» мы без разрешения цензуры не можем даже выпустить номеров из типографий.

С. Ю. Витте. – Господа, к кому из цензоров мне обратиться.

ПОВЕСТКА ДНЯ

Голоса. – Ни к кому. Цензоров не спрашивайте. Комиссия Кобеко¹² без пользы работает. Будет заседать еще пять лет.

С. Ю. Витте. – О, нет! Конечно, время нужно. Дайте мне времени.

Г. Пропер. – Союз печати представит вам проект законов о прессе.

Проф. Ходский. – Митинги теперь фактически запрещены.

С. Ю. Витте. – Да. Но ведь, по существу, Петербург теперь на военном положении.

Проф. Ходский. – Мы не будем выпускать газет, пока войска не удалятся.

С. Ю. Витте. – Увести войска. Нет, лучше остаться без газет и электрического освещения. Если войска уйдут, другие жители начнут в эту меру винить правительство!

Редактор «Руси» **А. А. Суворин**¹³. – Вы не доверяете обществу.

С. Ю. Витте. – Господа, о многих фактах я впервые узнал от вас, только от вас. Я спрошу совета у петербургской городской думы.

Голоса. – Наша дума привыкла слушаться начальства... Какие советы она может дать?

Г. Острогорский¹⁴. – Стачечный комитет ручается, что без войск будет порядок...

Представители «Нового времени»¹⁵ и «Слова»¹⁶. – Мы не верим, что дума может ручаться за порядок...

Представители радикальных газет. – Удалите войска.

С. Ю. Витте. – А вы слагаете ответственность правительства? Если я удалю войска, то сотни тысяч, жены, дети скажут, что Витте – сумасшедший.

Г. Анненский. – Но нас бьют казаки.

С. Ю. Витте. – Я сам возмущен насилиями. Помогите мне. Дайте несколько недель. Все неустройства, все беспорядки в мире и революции всегда происходили от недоразумений. Ведь я знаком с жокаками и мнениями крайних.

Г. Пропер. – Нет, от слова «поздно»...

С. Ю. Витте. – Теперь дано всеобщее избирательное право. Является бесконечная масса вопросов. Населению трудно осуществить свое право выбора без путей сообщения и без общественной организации. Лишь постепенно придем к этому. Ныне опять положительно говорю: Государь знает, что манифест дает полную свободу печати.

Голоса. – Уничтожить смертную казнь... Немедленно провести политическую амнистию.

Г. Пропер. – Для гарантии личности нужно удаление войск.

С. Ю. Витте. – Когда все успокоится, войска удалятся... Но теперь мне еще нужен аппарат. Я только еще организую правительство. Все бегут от моего кабинета. Бегут то из-за боязни хаоса, то из-за страха за свою жизнь, то по разным другим соображениям. Дайте же мне передышку!

Г. Арабажин. – Но если правительство еще не организовалось, то не отложить ли беседу до тех пор, пока С. Ю. Витте будет в силах исполнить свои обещания?

Г. Худсков¹⁷. – Пусть все свободы, особенно свободы печати, сразу получают осуществление.

С. Ю. Витте. – Завтра мы будем обсуждать это практически. А пока я скажу: Не нарушайте законов о цензуре. Я сегодня поговорю с начальником Главного управления по делам печати об устранении недоразумений... Опять прошу вас, господа, приходите ко мне, когда хотите. Все, что я сказал вам, я могу сказать всем, придут ли ко мне революционеры или анархисты... До свидания.

Граф С. Ю. Витте. Обошел всех с рукопожатием и удалился».

«Санкт – Петербургские Ведомости», 22 октября (4 ноября) 1905. № 245. С. 4 – 5. Текст приводится с незначительными изменениями.

МЕДИА альманах

* * *

- ¹ Русская журналистика в документах. История надзора. М. 2003. С. 214-215.
- ² Витте Сергей Юлиевич (1849-1915) – русский государственный деятель, председатель Комитета министров с 1903 г., Совета Министров в 1905-1906 гг. Автор Манифеста 17 октября 1905 г.
- ³ Суворин М. А. – видимо, сын А. С. Суворина, известного издателя.
- ⁴ Г. Пропер – о нем нет сведений.
- ⁵ Проф. Ходский Леонид Владимирович (1854-1919) – профессор финансового права С.-Петербургского университета. В 1900-1905 гг. издает журнал «Народное хозяйство», в 1904 г. основал газету «Наша жизнь», затем «Товарищ» и «Столичная почта». За то, что напечатал в газете «Наша жизнь» манифест Совета рабочих депутатов, Ходский получил штрафные санкции. Поэтому в 1906 г. три раза судился в С.-Петербургской палате. Первый раз получил 500 руб. штрафа, второй – оправдание, третий – 6 месяцев тюрьмы. Первые два приговора были кассированы (пересмотрены) Сенатом.
- ⁶ Трепов Дмитрий Федорович (1855-1906) – московский обер-полицеймейстер, с 11 января 1905г. – петербургский генерал-губернатор. Организатор вооруженного подавления революции 1905-1906 г.
- ⁷ «Новости» – газета, выходила в 1872 – 1917 гг.
- ⁸ Арабажин Константин Иванович (1866-?) – русский писатель, публицист, театральный критик. Редактор газеты «Северный курьер».
- ⁹ «Русское богатство» – журнал, издавался в 1876-1918 гг. в С.-Петербурге. Публиковал научные, литературные и политические статьи. После 1892 г. журнал возглавляли Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко.
- ¹⁰ Анненский Николай Федорович (1843-1912) – русский экономист, публицист и общественный деятель. Сотрудник журналов «Русское богатство», «Дело», «Отечественные записки». Основатель и один из лидеров «Союза освобождения» и партии «Народных социалистов».
- ¹¹ Опечатка – имеется ввиду К. И. Арабажин.
- ¹² Комиссия Кобеко – «особое совещание» для пересмотра действующего законодательства о печати, созданное в январе 1905 г. при Государственном совете. Название получила по имени директора Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко, который был председателем этой комиссии.
- ¹³ Суворин А. А. – возможно, старший сын А. С. Суворина.
- ¹⁴ Скорее всего, это Острогорский Александр Яковлевич (1868-1908) – писатель, редактор журнала «Образование». В «годы свобод» (как написано в Новом энциклопедическом словаре 1905-1916 гг. издания) выступал на митингах, организовал Учительский союз, Высшие юридические курсы.
- ¹⁵ «Новое время» – газета, издавалась в 1868-1917 гг. в С.-Петербурге. В 1876-1912 гг. ее издатель – А. С. Суворин (1834-1912).
- ¹⁶ «Слово» – газета, издавалась в 1903-1909 гг. в С.-Петербурге, ранее газета «Отголоски» (1896-1902 гг.).
- ¹⁷ Худсков – возможно, это опечатка и имеется ввиду проф. Ходский.